

¹ Русский дом народных традиций «КрАсота»
ул. Пирогова, 16, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: omoroga@mail.ru

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: irina-kochkina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА ЭСТОНСКИХ, НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ШИПУНОВСКОГО РАЙОНА СТЕПНОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРОВ 2005–2009 ГОДОВ)

Песенные народные традиции переселенцев Шипуновского района Алтайского края богаты и уникальны тем, что формировались в результате слияния нескольких волн переселений. В публикации на основе материалов этнографических экспедиций 2005–2009 гг. раскрываются вопросы взаимовлияния между собой трех ветвей культур – эстонской, немецкой, русской, производится анализ говора переселенцев, дается характеристика песенного фольклора (манера исполнения, строение мелодии, ритмические рисунки и т. д.). Авторами выделяются четыре основных направления, сложившиеся в результате интеграции песенных традиций этих групп переселенцев: эстонской, эстонско-русской, немецкой, русской старожило-переселенческой.

Ключевые слова: Алтай, Шипуновский район, переселения, русские, эстонцы, немцы, деревни, культура, фольклор, песенные традиции, этнографические обследования, информанты, интеграция традиций.

Заселение и освоение Сибири в русское время (конец XVI – начало XXI в.) всегда шло с преобладающим участием представителей русского этноса. Однако за Урал постоянно переселялись и выходцы из иных этнических групп, проживавших преимущественно на территории Восточной Европы. В числе переселенцев в Сибирь были также эстонцы и немцы, которые в достаточно большом количестве принимали участие в этом процессе с конца XIX в. В результате в Сибири складывалась своеобразная этническая и сопутствующая ей сложная культурная ситуация, когда со стороны преобладающего численно русского населения оказывались заметны культурные влияния на иноэтничные группы. Поэтому в любом сибиреведческом исследовании обязательно следует выявлять и учитывать такие особенности в заселении и освоении региона. В силу своей региональной специфики Алтай может служить наглядным примером разнообразия проявлений многонациональной культуры [Абрамова, 1999а. С. 3]. Це-

ликотом данная особенность относится и к такой важной составляющей части народной культуры, как песенное творчество.

Исследователи выделяют несколько этапов переселенческого движения эстонцев. В 1907–1910 гг. в Сибири наблюдался особенно значительный приток выходцев с прибалтийских территорий, поощрявшийся мероприятиями политики аграрных преобразований П. А. Столыпина [Майничева, 2002. С. 154]. Однако изучая историю с. Эстония, опираясь на этнографический материал (рассказы информантов, документы, фотографии), мы можем говорить о прибытии эстонцев на территории Шипуновского района уже в 1890-е гг. Так это село основано первым поселенцем Г. П. Миккуром (1862–1936) в 1887 г.¹ В военные 40-е гг. на территорию Шипуновского района стали расселять «российских немцев» – в села Эстония, Родино, Бобровка, Урлапово, Белоглазово, Ясная Поляна, Самсоново, Тугозвонovo, Ельцовка и др.² Что же касается русских переселенцев, то это деды и роди-

¹ Федотов П. Ф. История села Эстония Шипуновского района Алтайского края. ШРМ. ОФ. И 506. 1967.

² Никульшин А. В. Рукопись с. Эстония. ШРМ. ОФ. 342.

тели информантов, прибывшие на исследуемую нами территорию в конце XIX – начале XX в. из Тамбовской, Воронежской, Курской, Симбирской, Рязанской, Черниговской, Новгородской, Вологодской, Московской, Орловской, Костромской и иных губерний. Все эти процессы под влиянием многих факторов складывались в единую систему «Шипуновской традиции», которая дошла до нас в скорректированной годами и событиями форме; местами интегрированной, местами уцелевшей, местами трансформировавшейся.

Актуальность исследования песенных традиций переселенцев определяется, прежде всего, их историческим своеобразием, а также недостаточной изученностью данной темы на узкорегиональном уровне и необходимостью создания прочной научной базы для проведения работы по сохранению фольклора, так как многое уже утеряно и требует немедленного восстановления и сохранения для последующих поколений. Рассматривая фольклор эстонских и немецких переселенцев, мы обращаемся к традициям иной, не похожей на русскую, песенной культуры, отличающейся сюжетной основой, музыкальной структурой, эмоциональной окраской, а также рядом других факторов, определяющих ее особенности. Поэтому ввод в исследовательский оборот собранных нами совершенно новых источников по песенному фольклору жителей эстонского и немецкого происхождения, проживающих в русской среде (в результате этнографических экспедиций было опрошено 57 информантов из разных сел Шипуновского района), их анализ, имеют как важное научное значение для создания полной картины многообразия процесса формирования культуры многонационального населения Сибири, так и составляют новизну нашей работы.

Предметом исследования являются песенные традиции эстонских, немецких и русских переселенцев Степного Алтая. Цель работы – их исчерпывающая характеристика на примере населения района, находящегося в центре данного региона (сел Озерки, Зеркалы, Самсоново, Комариха, Кузнечиха, Ельцовка, Эстония, Качусово). Поэтому собранные здесь материалы могут отражать культурные процессы, происходившие на обширных пространствах сопредельных районов Алтая. Задачами исследования являются анализ и обобщение материалов

проведенных нами этнографических обследований, выявление особенностей бытования песенных традиций у потомков русских, эстонских и немецких переселенцев, составление партитур их песен. Значительная часть предметов и информации, касающаяся песенных традиций переселенцев, собранная во время этнографических экспедиций 2005–2009 гг., относится к концу XIX – началу XX в., так как именно в этот период заселение юга Западной Сибири было самым массовым. Методы исследования определены в соответствии с целью и задачами исследования. Для сравнения песенных традиций эстонских и русских переселенцев нами использовались историко-сравнительный и синхронный методы. Очень важна используемая методика записи песен, которая должна состоять в точной, дословной их фиксации, именно так, как они поются в народе. Песня – один из самых продуктивных жанров современной народной культуры, поэтому необходимо тщательно фиксировать все факты ее живого бытования [Круглов, 1986. С. 46]. Поэтому в своей работе мы стремились сохранить не только слова, но и структуру песенного стиха, песенную строфику.

Песенные традиции, рассматриваемые именно в исследуемых нами территориальных рамках, практически не были изучены. Этнографические экспедиции на территории Алтая проводились многими исследователями – Т. К. Щегловой, Л. В. Волобуевой, О. С. Щербаковой, О. И. Выхристюк и др. Ими был собран и обработан различный этнографический материал, однако обобщающих работ по данной тематике пока не опубликовано. Лишь исследовательницей О. А. Абрамовой предпринята попытка рассмотреть аспекты, связанные с песенной традицией, говором, манерой исполнения песен жителей с. Воробьево Шипуновского района. Ее работа, на наш взгляд, не отражает всю суть проблематики: автором рассматриваются особенности фольклорного характера на примере лишь одного села [Абрамова, 1999в]. Полного анализа песенного творчества автор не проводит, хотя на собранном ею материале можно было выделить и иные особенности, связанные с «образностью» сюжетов, историческими корнями произведений и их носителей, сравнительной характеристикой песенного фольклора с. Воробьево с песенной тради-

цией других сел этого и других районов Алтайского края, тем более что под ее авторством имеются соответствующие публикации [Абрамова 1999а–в]. Автор пришла к выводу, что наиболее показательной является культура старожилов, которую можно считать определяющей, так как все остальные поздние традиции сложились под ее влиянием. Исследование же песенных традиций эстонских и немецких переселенцев Шипуновского района вообще никем не проводилось и на сегодня является открытой темой.

В процессе адаптации к новым условиям жизни, под влиянием многочисленных внешних и внутренних факторов, идентичность группы эстонских переселенцев не могла не подвергнуться трансформации [Якобсон, 2000. С. 213]. Но все же они старались хоть как-то сохранить свои корни. Сегодня эстонский язык по-прежнему остается живым средством общения, хотя степень его употребления и неодинакова для всех потомков переселенцев. Тем не менее в речи родившихся в с. Эстония и выросших бок о бок с русскими людьми детей и внуков эстонских переселенцев до наших дней сохраняется акцент родного языка. Таким образом, можно говорить о двуязычии эстонских переселенцев, владеющих и родным, и русским языками, использующих в своей повседневной речи смешанные фразы и отдельные слова из другого языка. И в песенном фольклоре мы также имеем дело с языковыми, стилевыми, интонационными, музыкальными и сюжетными отличиями, образующими его особенности для данной группы эстонских переселенцев. Хотя эстонский фольклор принципиально отличается от фольклора русских переселенцев, но в нем все же отмечены интегрированные элементы, присущие русской традиции.

В ходе этнографических экспедиций были зафиксированы некоторые интересные ситуации, характеризующие отношение и степень внимания жителей сел к песенной культуре своих соседей или членов семей смешанного происхождения. Так, например, Е. Д. Качусова, когда речь заходит о ее нынешнем муже М. О. Круле, всегда просит его исполнить песню на своем языке, обращаясь: «Мартын, спой свои “ë-ë”, эстонские!». Нередко в эстонских песнях присутствуют припевки, идентичные русским: «Ворэлил-лал-ла, Варэлэл-лал-ла!» (эст.);

«Ой, люли, ой, люли!» и др. (рус.) Такая припевка повторяется обычно дважды, со вставками текстового повтора последней фразы, что характерно и для русских песен. Это легко воспринимается на слух, поэтому нередко местные жители подпевают эстонцам, слушая и повторяя, или же напевая схожий (но несколько отличающийся) мотив, заменяя эстонскую припевку русской. Наличие такого рода явления следует считать, в определенной мере, фактом, оказывающим влияние на развитие песенной традиции данной группы эстонских переселенцев.

Л. П. Кейц и Н. А. Кивест напевали нам некоторые свадебные песни, рассказывая при этом их содержание. Интересно заметить, что, как и в русских традициях, они имели принадлежность к определенным действиям, обрядам, совершаемым во время приготовления невесты к свадебной церемонии. Отличие состоит лишь в том, что эстонские песни, поющиеся при сборах невесты, имеют более спокойный, сдержанный характер исполнения, тогда как русские песни сопровождаются плачем подружек невесты³. Вероятно, данное сходство сюжетного характера также можно объяснять фактом влияния со стороны песенной культуры русского населения.

После работ на полях эстонцы становились в круг, брались за руки и начинали двигаться в ритм песни, подскакивая и высоко поднимая согнутой поочередно правую и левую ноги. Для русских соседей это выглядело даже в какой-то степени дико. Е. Д. Качусова (жена М. О. Круля) до сих пор посмеивается над ними – мол, не танцуют, а «брыкают». Запевал песню один человек, а остальные подхватывали, что схоже с русскими запевками. Однако имеются и серьезные отличия в этих двух песенных традициях. Так, русские хороводные песни, относящиеся к области обрядового фольклора, обязательно сопровождаются какими-либо действиями. В эстонском же фольклоре эти песни более веселые (по эмоциональному исполнению), иногда не имеющие никакой смысловой связи с исполняемым танцем. И еще один интересный факт – нам не удалось записать ни одной обрядовой песни (за исключением свадеб-

³ Тетрадь-песенник Нины Александровны Кивест.

ных) и плача. Как объяснили носители традиций: «Эстонцы не столь эмоциональный народ по сравнению с русскими, более сдержанный, замкнутый, даже в какой-то степени закрытый. Тем более что нам разговаривать запрещали на родном языке, не то что петь!» (Л. П. Кейц).

Что же касается коренной сюжетной основы собственно эстонских песен, то это преимущественно повествования о прожитой жизни человека. Нередко сюжетом песни становится рассказ о каком-то событии, ситуации, часто описывается какой-либо случай, иногда с мифологическим содержанием. В целом сюжетная основа повествовательных песен эстонских переселенцев отличается от русских несколько большей конкретностью и простотой. Манера исполнения сухая, неземная, характеризуется скупостью в движениях при исполнении (за исключением песен, сопровождающихся танцем). Интонация четкая (практически речитатив), мелодика малопротяжная, темп (чаще всего) – $2/4$, $4/4$; встречается $3/4$, не меняющийся на протяжении всего произведения. Существуют скачки на кварту, квинту.

Интересно, что эстонцы, в свою очередь, полюбили русский фольклор и с удовольствием поют его с местными жителями, повторяя интонацию, паузы, передавая эмоциональное состояние, выдерживая слоговые распевы (переход «а–я»: ска-я-жут; переход «э (ближе к е) – е»: слове-е-чка; переход «о–ё»: молодо-ё-му и т. д.). Объясняют они эти особенности исполнения распевностью, широтой души, раскрепощением в исполнении русских песен. Так, у Н. А. Кивест, счетовода-кассира в промартели в 1944–1947 гг., сохранилась тетрадь-песенник, сделанная Ниной Александровной из ненужных документов промартели: пожелтевшие документы (с одной стороны, разрисованные цветами, рисунками, исписанные песнями; с другой – имеющие информацию о расходах промартели, перечни сырья, отчеты, заявления, справки, положения специальных фондов, раскредитование зарплат, акты, соглашения, сводки) были скреплены черной ниткой для прочности. В тетради есть русские песни («Гонкая рябина», «Калинка», «Ой, вставала я ранешенько»), песни военных лет («Песня из Отечественной войны», «Землянка», «Партизанская», «Нашивки», «Ночь светла»), а также шуточные

заметки, интересные четверостишья, русские поговорки, различные пожелания от подруг и друзей, стихи и даже гадания с объяснением значения карт, отрывок из поэмы «Зоя» и др., эстонские частушки, эстонская песня⁴. Другим важным источником являются для нас записи М. О. Круля, который занимается переводом русских песен на родной язык с сохранением слоговой рифмы по-эстонски⁵. Так, например, у нас остались аудиозаписи двуязычных песен в исполнении Марти Оттовича: «По диким степям Забайкалья», «По долинам и по взгорьям», «Катюша» и др.

Таким образом, следует отметить, что современное состояние песенной культуры эстонских переселенцев характеризуется, в первую очередь, заметным русским влиянием, причем отмечается интенсификация этого процесса. В результате у потомков эстонских переселенцев к настоящему времени образовались три ветви песенной традиции: русской (преобладающей); эстонской; эстонско-русской.

Обращаясь к культуре немецких переселенцев, стоит сказать прежде всего о том, что, по сравнению с эстонской волной переселения (конец XIX в.), немецкая шла на более позднем этапе (1940-е гг.). Людей высылали уже в сформированные села, где жили люди (и русские переселенцы, и эстонские, и старожилы), сработанные, знающие друг друга. Конечно же, общая обстановка в стране формировала определенную идеологию по отношению к «чужакам» и способствовала развитию негативного отношения к немецким переселенцам. По рассказам информантов, отношение к ним было, мягко говоря, негативным: «нас презирали, били, относились, как к скоту, на что мы не могли ничего ответить. Ведь мы такие же люди! А как докажешь?..» (Ф. Ф. Рамхен). Время было тяжелым для всех. Несмотря на это, немецкие переселенцы старались обзавестись хозяйством, нанимались в работники к местным, брали скот в долг, меняли свои вещи (кольца, жемчуг, книги и т. п.) на еду, кров, одежду и т. д. Конечно, говорить о следовании традициям в такое тяжелое время мы не можем, но постепенно ситуация в стране менялась, менялось и отноше-

⁴ Тетрадь-песенник Нины Александровны Кивест.

⁵ *Собственные записи песен Марти Оттовича Круля.*

ние. В последние годы мы наблюдаем возросший интерес к иноязычному населению, интерес к другой культуре, ценностям, быту, жизненным устоям и традициям. Нам удалось собрать уникальный материал по материальной и духовной культуре немецких переселенцев.

Так, в с. Самсоново существует свой ансамбль немецкой песни из числа немецких бабушек, которые собираются дома у А. Г. Бливернец, чтобы вспомнить свои народные песни. Ансамбль также участвует в различных концертах по району, принимает гостей, интересующихся их культурой. С приездом на новые земли немецкие переселенцы привезли с собой, помимо утвари, церковные книги и музыкальные инструменты (скрипки, бубны, мандолины и др.), которые хранятся сейчас в музее с. Самсоново. В настоящее время они не используются при исполнении песен, однако хранители традиций могут показать и рассказать, как и для чего применялся тот или иной инструмент. У русских и эстонских переселенцев такого этнографического материала не сохранилось, как и нет объединений (ансамблей, народных групп, за исключением с. Комарихи, где существует уже несколько лет фольклорный ансамбль), которые хранили бы свои традиции и передавали их последующим поколениям.

Рассматривая немецкий фольклор, мы можем говорить о некоторых ярко выраженных особенностях. Сам ритм песен четко выраженный, сходный с военным маршем, размер песен в основном $\frac{2}{4}$, $\frac{4}{4}$. Исполнение строгое, четкое, с хорошей дикцией и немного речитативным произношением отдельных фраз, что не имеет аналогов в манере исполнения эстонских песен. Как и у русских, фразу-запев начинает один человек, которого подхватывают другие голоса. Что интересно (мы сталкиваемся с этим впервые!), ведущим является единственный второй женский голос (крепкий, раскатистый, сильный), на котором строятся все остальные первые голоса. Следовательно, исполнение двухголосное, большей частью выдержанное в медленном темпе. Песни звучат в низком регистре при ведущей роли второго голоса. Сюжетная основа песен – рассказ о природе, какой-либо конкретной ситуации, что имеет сходство с эстонской сюжетной основой. Характерных внутрислоговых распевов в немецкой тра-

диции нет, как нет и цезур-пауз, членящих музыкальную мысль и характерных для русской песенной традиции.

Собранный нами материал позволяет классифицировать и песенный фольклор русских переселенцев, учитывая особенности местности, из которой он происходит (мелодию, говор, ритмический рисунок, строй произведений, принадлежность к тому или иному лицу, тем или иным действиям и т. д.). Это свадебные, игровые, хороводные, плясовые, духовные стихи, лирические, любовные («трагические»), колядки, веснянки, колыбельные, романсы, шуточные, исторические, военные, а также песни, исполняемые в период войны, авторские, цикл «аграрных» песен, цикл цыганских песен (в связи с кочующими из села в село группами цыган) и т. д. Отдельное место занимают частушки, исполняемые, в основном, под гармошку, балалайку, «под язык», которые назывались «матаня», «товарочка», «припевка», «приговорка», «тараторка» и т. д. Частушки делятся на двухстрочные, четырехстрочные, шестистрочные, с припевом и без припева. Наиболее ранней формой следует считать шестистрочный вариант, где слышатся отголоски, а иногда и прямые переключки с лирическими песнями, из которых они выросли. Наибольшей популярностью пользуется почти повсеместно распространенная четырехстрочная частушка – танцевальная и лирическая, исполняемая во время работ или на гулянье.

Особенностью песенного фольклора русских переселенцев Шипуновского района, что отмечалось и до нас, является сочетание культуры старожилов с культурными особенностями переселенцев. Как следствие, фольклор имеет яркие стилевые особенности. Прежде всего, это связано с историей складывания местного говора, которая обуславливается историей заселения региона. В результате на территории района функционируют несколько типов говора [Абрамова, 1999в. С. 8]. Выделяется старожильческий говор, который сложился в результате слияния малорусских, белорусских и тюркских элементов. Его особенностями – переход «я» или «а» в «е» (опять – опеть, кружочек – кружечек); произнесение «и» в «е» (российский – росейский, Мария – Марейя); наличие «у» перед согласными (не бойся – не убойся); утрата звуков (мост – мос, крест – кресс); произношение

мягких «т» и «д» в соответствии с «к» и «г» (килограмм – тилограмм) [Абрамова, 1999в. С. 7].

Исследования, проведенные нами в селах Комариха, Качусово, Кузнечиха, Зеркалы, Озерки и Ельцовка, позволяют расширить и дополнить перечисленные изменения в говоре жителей, нашедшие отражение и в песенном фольклоре. Это потеря согласных «т» у глаголов третьего лица единственного числа (берет – бере, будет – буде, едет – еде, пишет – пише и т. д.); в третьем лице единственного и множественного числа глаголов флексия оканчивается смягченным «т» (поють, сеють, знают), а иногда дополняются смягченным «ц» и «с» (говорят – говорятць); произношение звуков «ч» и «ж» ближе к «щ» (чаво – шаво, звездочки горят – звездошчики горять, черный – шерный, бедняжечкам – бедняжешкам); наличие «с» перед согласными (полюбила – сполубила); замена согласных букв в начале слова на гласные (всяко – усяко, где – иде, к ним – к йим); согласные «г» и «к» заменяются на «х» и «гкх» (дама крестова – дама хрестова, говорит – гкховорит); произношение слов «по-своему» (не могу – манагкху, куда пошел – кой пашол, тебе – таби, конечно – канеше, летал – распралётывал); произнесение «ц» как мягкого, ближе к «с» (рукавицы – рукависы, целует – салует, братцы – брасы). Отмечается вокализация согласных звуков – согласные распеваются гласными «ы», «и» (черный ворон – щоранаи воронаи, сторонка – стороныка, родные – родыныя, речка – рещика, стоял – стоялы); потеря некоторых согласных (как же – ка же, выйду – выду, есть – есь); замена некоторых согласных гласными (девки – деуки); замена некоторых гласных другими гласными (куст ракитовый – куст ракитовой).

Что же касается музыкальной стороны, то здесь можем говорить об интеграции отдельных элементов песенного фольклора разного выхода и разного времени бытования. Произведения отличаются строгой собранностью, суровостью исполнения; они звучат в нижнем регистре. Существуют внутрислоговые распевы, которые связаны между собой и нередко падают на середину слова, что способствует изменению ритмического рисунка – затормаживанию, паузам, «наездам», «подкатам» и т. п. Отмечаются скачки на квинту, сексту, септиму. Существуют сочетания сложных звуков: малой и

большой секунд, малой и большой септим, параллелизм терций. Исполнение трех-четырёхголосное, манера исполнения своеобразная – рот полуоткрыт, губы собраны, извлечение звука «из головы» с чуть выпяченной челюстью, т. е. исполнитель как бы давит звук, делая его приглушенным, но очень сильным, «столбовым». Исполнение одной песни может доходить до 15 минут (благодаря распевным строениям и куплетной форме)!

Трансформация русского фольклора на данной территории, в целом, проявляется в том, что извлечение звука становится более открытым, распевы упрощаются, строгой распевности уже не наблюдается, ритм сдвигается, появляется трех-двухголосная форма исполнения. Однако же, как и ранее, остается единственный ведущий первый голос, к которому подстраиваются другие, сохраняются и интервальные скачки. Для мелодики характерна простота, ясность и пропорциональность строения. Судя по содержанию и музыкально-поэтическим образам, образцы фольклора относятся, главным образом, к бытовым городским песням⁶ нового интонационного строя, с характерной для них гомофонно-гармонической⁷ фактурой и стихотворными текстами современного происхождения.

Таким образом, по результатам проведенных нами исследований, кроме частных особенностей, отраженных в статье, можно дать общую характеристику традиций песенного фольклора ближайших потомков эстонских, немецких, русских переселенцев, проживающих в центре Степного Алтая, которая заключается в констатации факта формирования основных ветвей песенных культур, которые определяются как русская старожило-переселенческая, эстонская, эстонско-русская и немецкая. Собственно эстонская и, особенно, немецкая песенные традиции по прошествии времени мало подверглись изменениям. Однако неизбежное

⁶ Городская песня – новая по своему идейно-эмоциональному содержанию и выразительным средствам народная песня гомофонно-гармонического склада, отражающая общественное сознание, жизненные интересы и эстетические вкусы различных слоев населения.

⁷ Гомофонно-гармонический – вид многоголосия, где ведущее значение имеет только один голос, в котором звучит мелодия, а остальные ему аккомпанируют.

взаимопроникновение культур на данной территории привело к сложению отдельной эстонско-русской песенной традиции. Вероятно сложение в будущем и немецко-русской традиции.

Список литературы

Абрамова О. А. Традиционная культура «поляков»-староверов села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края. Материалы фольклорных экспедиций. Барнаул, 1999а. Вып. 1. 125 с.

Абрамова О. А. Русская традиционная культура Третьяковского района Алтайского края. Материалы фольклорных экспедиций. Барнаул, 1999б. Вып. 2. 77 с.

Абрамова О. А. Русская традиционная культура села Воробьево Шипуновского района. Материалы фольклорных экспедиций. Барнаул, 1999в. Вып. 3. 81 с.

Круглов Ю. Г. Фольклорная практика. М., 1986. 128 с.

Майничева А. Ю. Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Диаспоры. 2002. № 3. С. 153–164.

Якобсон А. Я. Поляки или сибиряки? К вопросу о групповой идентичности жителей деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Сб. материалов науч. конф. Иркутск, 2000. С. 212–218.

Материал поступил в редколлегию 20.09.2009

O. I. Vykhristyuk, I. Yu. Kochkina

FEATURES OF EXISTENCE OF SONGS FOLKLORE ESTONIAN, GERMAN AND RUSSIAN INHABITANTS OF SHIPUNOVSKY AREA ON STEPPE ALTAI (ON MATERIALS OF EXPEDITIONS 2005–2009)

Songs national traditions of inhabitants Shipunovsky area of Altay Territory are rich and unique by that were formed as a result of merge of several waves of resettlements. In the publication on the basis of materials of ethnographic expeditions 2005–2009 years are opened questions of interaction among themselves of three branches of cultures – Estonian, German, Russian, the analysis of languages for songs is made, the characteristic of song folklore (manner of execution, structure of a melody, rhythmic figures and other) is given. The authors allocate four basic directions which have been usual as a result of integration songs traditions of these groups resettlements: Estonian, Estonian-Russian, German, Russian.

Keywords: Altai, Shipunovsky area, resettlements, Russian, Estonians, Germans, villages, culture, folklore, traditions of song, ethnographic expeditions, informants, integration of traditions.